

Карета остановилась у берега крепостного рва.

Оба вышли наружу.

Речная гладь была усыпана тысячами мерцающих фонариков в форме лотосов. Свет свечей струился, словно Млечный путь, а берег, полный огней и людских теней, казался сказочным и нереальным.

В этом зыбком свете проплывали сотни лиц — благочестивых, молящихся или просто радостных.

Мимо прошла молодая пара с младенцем на руках. Малыш был укутан так плотно, что виднелось лишь крошечное розовое личико с живыми, бегающими глазками. Мать выглядела изможденной, но бережно прижимала ребенка к груди.

Шан Ханьчжи задержала взгляд на младенце на пару секунд, затем быстро отвела глаза. Ее брови едва заметно дрогнули, плечи поникли, и она пробормотала:

— Смотреть — и то утомительно. Такой крохотный... вырастить его — настоящий подвиг.

Голос был тихим, но Лунси услышал каждое слово.

Он замер и покосился на нее.

Девушка уже смотрела вдаль, на речные огни. В свете фонарей ее профиль казался отстраненным. В этой жалобе не было притворной слабости — напротив, в ней сквозило скрытое нежелание брать на себя такую ответственность.

Мысли Лунси пронеслись молнией: боится не замужества, а детей? Тягот материнства? Или... ее хрупкое здоровье просто не выдержит?

Он мгновенно связал воедино ее прежние отказы от брака под предлогом недуга и резкое неприятие любых обсуждений укрепления здоровья в Сишане.

Эта искренняя усталость и тревога в ее глазах дали ответ: она противится тому бремени деторождения, которое этот мир возлагает на плечи женщины.

Едва эта мысль возникла, как он вспомнил, как она невольно прижималась к нему в Сишане.

Лунси пришел к выводу: она питает ко мне симпатию, но из-за того, что мы оба не отличаемся крепким здоровьем, она колеблется.

Лунси собрался с мыслями, и его голос прозвучал мягче, чем обычно:

— Фонарики уплывают далеко. Сестрица Ханьчжи, выберешь себе один? Говорят, если загадать желание от чистого сердца, оно обязательно сбудется. Пусть фонарь принесет тебе мир и спокойствие.

Шан Ханьчжи очнулась, отогнала прочь нахлынувшую при виде младенца тоску и, проявив недюжинную прыть, выловила самый большой двухслойный фонарь-лотос. Она слегка вскинула подбородок:

— Потрудитесь помочь мне, Ванье? — инструмент для решения проблем, вперед!

Лунси с улыбкой принял фонарь, его губы тронула теплая усмешка.

Шан Ханьчжи затаила дыхание, взяла кисть и обмакнула ее в тушь. В голове лихорадочно крутилось: Что написать?! Попросить долголетия для Лунси, чтобы он и дальше носил мои вещи? Нет-нет, нужно быть скромнее!

Внезапное озарение — стихи с глубоким смыслом. Она вывела каллиграфические иероглифы, в которых изящество сочеталось с современной дерзостью:

В плаще из трав, под дождем, принимаю жизнь как есть.

Плевать, попаданка я или в эпохе Цин, главное — лежать и наслаждаться.

Закончив, она аккуратно свернула записку и спрятала ее в специальный отсек фонаря, защищенный от огня.

В тот момент, когда она наклонилась, чтобы опустить фонарь на воду, Лунси как нельзя кстати склонился, прикрывая ее от ветра. Его взгляд, острый, словно у ястреба, скользнул по уголку еще не просохшей бумаги:

— В плаще из трав, под дождем, принимаю жизнь как есть?

В душе Лунси поднялась рябь.

Благородные девицы, загадывая желания, просят о здоровье или о рождении сыновей, ну или хотя бы о добродетели. А эти строки?

Какая широта души! Какая необузданность! Она словно пришила к своей хрупкой оболочке душу поэта Су Дунпо!

Это совершенно не вязалось со всеми виденными им барышнями, а особенно с маньчжурскими княжнами.

Такой контраст... просто невероятно! Нелепо! Ведь прошло всего несколько дней с тех пор, как она в Сишане притворялась болезненной красавицей Си Ши.

Он смотрел на девушку, чье лицо в свете фонарей казалось необычайно мягким, и улыбка в глубине его глаз погасла, уступив место искреннему любопытству и интересу: будь то симуляция болезни или страх перед материнством, но неужели в глубине души этой княжны из рода Шан скрывается столь дикая натура?

Хм, любопытно.

Шан Ханьчжи ничего этого не заметила и искренне прошептала свое заветное желание:

— Помоги мне поскорее вернуться обратно и победить в этой игре. Ну, или на худой конец... пусть этот мой инструмент живет подольше и возит меня кататься дальше.

Фонарь уплыл по течению.

Шан Ханьчжи, полная энтузиазма, потянула Лунси за рукав, увлекая его в толпу.

Ночь становилась глубже, и усталость наконец взяла верх над возбуждением.

Она, словно лишенная костей, прислонилась к борту кареты:

— Ванье, я устала.

В ее голосе слышалась подлинная утомленность, а расслабленность после выполненного дела придавала ее лицу редкую, очаровательную негу.

— Пора возвращаться, — кивнул Лунси. Его взгляд на мгновение задержался на том, как она сонно трет глаза, и улыбка его стала глубже. Он сделал шаг вперед, невидимой аурой раздвигая толпу, и слуги покорно повели их к карете.

Внутри было тепло, пахло благовониями, а покачивание кареты убаюкивало.

Как только Шан Ханьчжи коснулась мягкой подушки, ее нервы, до этого момента напряженные, мгновенно сдали.

Голова склонилась к стене кареты, и она тут же уснула. Дыхание ее стало ровным и глубоким,

она была совершенно беззащитна.

Лунси не сразу отвел взгляд.

Тусклый свет очерчивал контуры ее спящего лица. Сдержанность и живость исчезли, явив миру истинную натуру девушки — длинные ресницы отбрасывали тени, на щеках проступил румянец, губы слегка приоткрылись. В сравнении с теми дерзкими строками о жизни под дождем, это выглядело еще более противоречиво и... живо.

— В плаще из трав, под дождем, принимаю жизнь как есть... — беззвучно повторил он, машинально потирая край нефритовой подвески. Такая свобода духа... неужели она действительно могла это написать?

Сладость медовой воды, холодный аромат сливы на ее плаще, легкая грусть во время жалоб, сосредоточенность при запуске фонаря, этот безмятежный сон... Фрагменты сплетались, образуя совершенно новый портрет Шан Ханьчжи.

Странное чувство удовлетворения, смешанное с любопытством и... скрытым желанием обладать, единолично владеть этими моментами ее искренности, тихо прорастало внутри.

Словно разгадываешь головоломку из матрешек — чем дальше, тем интереснее.

Карета слегка вздрогнула, въезжая в боковые ворота поместья Шан. Шан Ханьчжи нахмурилась, собираясь проснуться.

Лунси вовремя отвел взгляд, спрятал все эмоции и вновь стал тем мягким и безобидным Цинь-ваном Чунем.

Он терпеливо дождался, пока служанки сонно растолкают ее, и пока она, потирая глаза, выходила из кареты, лишь мягко попрощался:

— Ночь уже поздняя, сестрица Ханьчжи, отдыхай.

Вернувшись в кабинет в резиденции Цинь-вана, он увидел, что звезды за окном светят ярче, чем обычно.

Лунси стоял у окна, а за его спиной Аньтай на цыпочках поставил чашку только что приготовленного настоя женьшеня, от которого исходил густой лекарственный аромат.

— Господин, вы кашляли, да и пробыли на ветру пол-ночи. Выпейте настоя, чтобы прогнать холод.

Голос его был едва слышным и полным заботы.

Лунси не обернулся, лишь небрежно махнул рукой, приказывая оставить чашку.

Аньтай беззвучно поклонился и отступил за ширму.

Лунси не стал, как обычно, заниматься секретными документами, а остался стоять у окна, постукивая пальцами по раме.

Он тихо повторил строчку, навсегда врезавшуюся в память:

— В плаще из трав, под дождем, принимаю жизнь как есть... Ха.

Я думал, это лишь позолоченная фигура на шахматной доске.

А открыл крышку — внутри оказалась стеклянная бусина, переливающаяся всеми цветами радуги!

Чем дольше думаешь, тем причудливее она кажется, выходя далеко за рамки расчетов.

— Интересно... поистине интересно.

Лунси прошептал это с глубоким взглядом, словно любясь редчайшим сокровищем.

В его интересе сквозило исследование и... желание крепко сжать ее в своих руках, чтобы рассмотреть получше.

<http://bllate.org/book/18814/1830163>